

Глава III

«ДЕЛО НОВОГО ОСНОВАНИЯ» И ФРАНЦИСК САНТИ

В 1722 г., за три года до смерти Петра I, в России возникло новое государственное учреждение. Название его уже само по себе свидетельствовало о предоставлении гербу права на официальное существование: Герольдмейстерская контора.

О Герольдмейстерской конторе известно очень мало. В сохранившихся архивных документах ее деятельность освещается лишь в плане надзора за военной и гражданской службой дворян. «Всего государства шляхетство и приказные служители, у дел обретающиеся и кои не у дел», составляли «ведение» Герольдмейстерской конторы. Однако этому учреждению вменялось также в обязанность составлять гербы. Сам царь считал, что для России введение гербов было «делом нового основания». Оно, это «дело», не было для Петра I таким уж важным, поэтому «решение вопроса» растянулось на несколько лет. Выполнение было возложено на герольдмейстера.

В начале 1721 г. Петр I принял решение сконцентри-

ровать «дела о дворянстве» в ведении специального человека. Тогда же был составлен список царедворцев из семи человек, на котором Петр собственноручно 28 января 1721 г. наложил резолюцию: «Из сих надлежит быт двум, одному герольдмейстеру, другому рекитмейстеру, которых выбрат балатированем. А для оного в прибавьку к Сенату призват из колегьских членов, которые лутче, человек до дватцети из русских (понеже иноземцы оных персон не знают), а особливо из Военной, понеже там много зпатных». 30 января сенаторы и коллежские члены «балатировали по указу» кандидатов, названных царем. В результате голосования более всего «достойных» баллов получил С. А. Колычев — 19 («сомнительных» — 4, «недостойных» — 4), заняв должность герольдмейстера.

Степан Андреевич Колычев был «взят ко двору» в 1696 г. и через год послан в европейские государства «для обучения паук воинских дел». По возвращении находился на военной службе, был ранен под Нарвой и ратное дело оставил. Кроме непосредственных обязанностей (в разное время он был обер-комендантом, вице-губернатором воронежским и азовским), Петр поручал ему выполнение других государственных дел: от наблюдения за постройкой судов до отлавливания «разных родов птиц и зубрей» и присылки их в Петербург. И вот новая, необычная пока в России должность: герольдмейстер.

Первое, за что пришлось сразу же взяться Колычеву, — составить новые списки всех неслужащих дворян «или хотя у дел, да у таких, которые токмо для прикрытия». Для этого Колычеву надлежало получить из Сената все имеющиеся там списки царедворцев и дворян, составить новые списки служилых людей, а после пересмотра списков объявить всем этим людям, чтобы они готовились к новому году быть на смотре в Москве или Петербурге. В этом деле Колычев добросовестно следовал инструкции герольдмейстеру, опубликованной 5 февраля 1722 г.: «Герольдмейстеру перво знать надлежит: дворянъ всехъ и ихъ детей; и когда кто х какому делу спрощень будеть, то б могъ несколько человекъ к тому достойныхъ представит; такъже кто умреть, или у кого дети родятся, чтоб ведал же; и имел о томъ записку...». Столь подробные списки давали возможность четко организовать учет служилого сословия в центре и на местах, всегда пристально следить за выполнением дворянами их главной, по указанию Петра I, обязанности — служить государству. Другие пункты инструкции выглядят второ-

стенными по сравнению с главной задачей герольдмейстера. Среди них — учредить «краткую школу», в которой бы дворянские дети обучались «экономии и гражданству» (результат этого мероприятия остался неизвестен), представлять кандидатов на вакантные гражданские должности, регулировать соотношение представителей семьи на гражданской и военной службах. Наконец, последняя обязанность герольдмейстера, согласно инструкции, — разобраться в вопросе составления гербов. Может показаться странным: вопрос о гербах стоит на последнем месте в делах такого учреждения, как Герольдмейстерская контора, само название которого созвучно с понятиями «геральдика», «герб». Однако это еще раз доказывает, что составление гербов имело для Петра I второстепенное значение. И хотя в «Табели о рангах» записано, что гербами должен заниматься герольдмейстер, при перечислении обязанностей последнего царь писал: «Потом (прочес), что до его дела касается, о гербах и прочее, внести и исправлять по возможности, которое на нем не так скоро о совершении спршено будет...».

Однако со временем Петру все же пришлось уделить гербам больше внимания: в той же «Табели о рангах» отмечалось, что в России наблюдается самовольное присвоение гербов и тем самым возведение себя в ранг дворянина, не будучи таковым по рождению и не будучи пожалованным в него царем. Поэтому в инструкции герольдмейстеру предписывалось «посмотреть» (не снабдить всех дворян гербами и не составить гербы дворянских фамилий, а именно «посмотреть»), что можно сделать по вопросу введения дворянских гербов.

Как начинать герботворческую деятельность? Царь предполагал, что надо познакомиться прежде всего с иностранными гербовниками, однако не заимствовать отсюда гербы без разбора, а «изобретать» новые согласно родословным знатных родов или требовать объяснения «содержания» герба, если та или иная фамилия герб уже имеет. «И что по тому изобретено будет, о том ему, герольдмейстеру, обстоятельно доносить Сенату. А в Сенате, рассмотря, докладывать его императорскому величеству».

Итак, программа действий герольдмейстера опубликована и узаконена. Однако Колычев, возможно обладающий организаторскими способностями и настойчивостью в проведении смотров дворян и определении их на служ-

бу, вряд ли обладал практическим навыком «ведения» гербов. Рисовать же их надо было срочно: требовалось изготовить новую государственную печать с гербом, новое государственное знамя.

Герольдмейстеру Колычеву требовался помощник — «товарищ». На ком остановить выбор?

12 апреля 1722 г. по личному указу Петра I на должность товарища герольдмейстера назначаются Франциск Санти. По документам Герольдмейстерской конторы известно, что Санти «особливо был для сочинения гербов». Поскольку именно этот человек стоял у истоков русского герботворчества, он заслуживает, чтобы о нем рассказать поподробнее. Граф Ф. Санти, итальянец по происхождению, родился в 1683 г. в Пьемонте. Образование получил в Париже, где изучал историю и науки, «близкие к генеалогии». Потомки Санти в своей родословной отмечали, что он впервые встретился с Петром I в 1717 г. в Амстердаме. Санти в то время находился на службе в качестве обер-гофмаршала и тайного советника у ландграфа Гессен-Гомбурга. По тем же данным, Санти явился к Петру со своеобразным рекомендательным письмом от ландграфа, в котором тот «просил для Санти государевой помощи, на что государево мнение было объявлено, что государь в чем можно пособие явить не откажется...». Через некоторое время Санти прибыл в Россию, но должность получил не сразу. Из заявлений Санти в Сенат видно: он ждал назначения на пост товарища герольдмейстера более двух лет, находясь «на собственном иждивении». И хоть, ожидая должности, Санти «партикулярное свое имение... истощил», тем не менее «со всякою верностью и ревностью» употребил «все возможное прилежание», чтобы наилучшим образом выполнить возложенные на него обязанности, ибо, как он сам писал, «воистину не ради великого или малого жалования я сюда в государство приехал, но ради искреннего желания служить толь великому монарху...».

С первых же дней пребывания в новой должности Санти энергично принялся за организацию геральдических дел. Начинать приходилось практически с нуля. Сам Санти говорил, что его работа «не токмо трудна и мало заобычайна и в других государствах, в здешнем же государстве и весьма до сего часу, как известно, и не во употреблении была». Санти стремился, «канцелярию немедленно установить и основать», просил Сенат выписать «из чужих краев на разных языках» книги по геральди-

ко, просил дать переводчика, знающего итальянский, французский или латинский языки, составил справку «Известия, касающиеся до геральдики». Более конкретный план работы Санти изложил в документе, составленном в июле 1722 г.: «Проект Генерального регламента для Геральдической канцелярии». Вот как определял он непосредственную работу по составлению гербов: «Резной мастер и живописец будут формовать, начертать и писать или малевать герб его императорского величества, всех его королевств и царств, провинций, городов и все гербы шляхетские, которые будут вписаны или даны в оной канцелярии». Санти предложил и продуманный им штат Геральдической канцелярии, но Сенат предложенный состав значительно сократил, согласившись дать Герольдмейстерской конторе переводчика, резных двух мастеров, одного живописца и одного ученика живописного дела.

Группа Санти, видимо, работала обособленно, с герольдмейстером и его делами была связана мало. Да и Санти не особо интересовала деятельность «по разбору шляхетства», он даже просил Сенат освободить его от ежедневного хождения на этот разбор: «...попозже я дела того не знаю... И между тем мог бы я то время лучше употребить к полезным вещам, которые составляют суть геральдики». Герольдмейстера мало заботило, в каких условиях работает его товарищ, каким образом рисуются гербы, поэтому Санти приходилось самому решать все вопросы по организации герботворчества. Он неоднократно просил Сенат отвести ему для работы над гербами отдельную светлую комнату, выделить дрова и свечи, назначить для охраны материалов (золота, бумаги, дорогих красок) специальных караульных солдат. Сенат переправлял распоряжения герольдмейстеру, но тот на запросы Санти отвечал отказом, «ибо не только означенному графу Сантию при Герольдической конторе отвести палату, но и настоящих дел отправлять пегде. Тако и солдат в канцелярию Герольдмейстерскую особливо не определено». Как видим, занятие Санти и его помощников «настоящим» делом не считалось. Рисование гербов происходило на квартире Санти; деньги на покупки кистей, рамок, свечей, дров он выделял из своего жалованья.

К сентябрю 1722 г. Санти представил первую свою работу — рисунок и описание герба для государственной печати. Сохранилась копия этого описания: «Герб его императорского величества с колорами или цветами своим». Санти изобразил двуглавого орла с всадником на

груди, поражающим копьём дракона, — герб московский. Далее гербы Киева, Владимира, Новгорода, Казани, Астрахани, Сибирского царства, расположенные на крыльях орла. За основу Санти взял рисунки Титулярника, придав им строгую геральдическую форму. Согласно правилам западноевропейской геральдики, он несколько изменил размещение фигур в щите, использовал определённые цвета и металлы. Дабы оказать помощь переводчикам и всем, кто будет связан с герботворчеством, Санти разработал «лексикон блазюнский» — геральдический словарь. Он предпринимал и другие шаги «к отправлению герольдмейстерской должности»: осматривал архивы в поисках родословных дворянских фамилий, для которых должен был составлять гербы, самолично подбирал живописцев, способных, по его мнению, быстро освоить сложное «геральдическое художество». Санти нашел себе преданного помощника в лице переводчика Ивана Васильевича Ардабьева. Ардабьев закончил Славяно-греко-латинскую академию, знал латынь, прекрасно владел французским, немецким, может быть, и другими иностранными языками. Он начал давать Санти уроки русского языка, и сам в то же время «несколько геральдики приучился».

Среди верных помощников графа Санти на долгие годы остались и взятые им для рисования гербов живописный мастер Иван Васильевич Чернавский и подмастерье Пётр Александрович Гусятников. Судьба Чернавского была особенно трагичной. В прошении об отставке Чернавский писал, «что по несчастливой его науке и многих лет труда глазами мало видит и в голове великой лом, и такой тяжкий меленконий, что с великою трудностью тщательныя геральдическия дела отправляет и никакого за труды его порадования не имеет». Больной, почти ослепший от работы, Чернавский в 1744 г. был вынужден оставить работу в Герольдмейстерской канцелярии (а ведь ему не было и 50 лет!) в чине всего лишь титулярного советника с мизерной пенсией. В делах Герольдмейстерской канцелярии сохранилось несколько изображений гербов с надписью: «Рисовал Иван Чернавский». Это поистине бисерная искуснейшая работа! Сам Чернавский, перечисляя в прошении сделанную работу, отмечал, что с 1737 г. нарисовал 98 городских гербов да еще «городовых же и шляхетских 65 гербов».

В 1723 г. герольдмейстер с канторой переселяется из Москвы в Петербург. Надо сказать, денежные средства

на содержание штата и нужды конторы были весьма скудными, отлуסקались крайне нерегулярно. Герольдмейстер и Санти постоянно обращались в Сенат с просьбой о выплате жалования. За полгода герольдмейстер пять раз обращался в Сенат, надеясь получить деньги на приобретение телег, рогож, цивок для переезда конторы в Петербург, на покупку бумаги, чернил, свечей. Помещение, выделенное Сенатом для Герольдмейстерской конторы, оказалось полуразрушенным. Герольдмейстер И. Н. Плещеев писал в Сенат: «Отведены мне две палаты при Сенате, в которых велено быть канцелярии Герольдмейстерской, а по описи в тех палатах явилось на угольной палате, которая от Невы реки, переключина перегнила, также и оконниц и печи нет, в другой палате переключина перегнила ж и почти вся развалилась, оконниц половины нет...». В июне 1723 г.— новое послание Плещеева Сенату: «в герольдмейстерских делах не без остановки». Герольдмейстер не в состоянии выполнять указания Сената, поскольку «ведомости учинить не на чем, понеже бумаги ничего нет и купить не на что; а бумаги из Сената и денег не дают, и подъячих и дел отправить в Санкт-Петербург не на чем, и под дела телег и прочее купить не на что, також по указу из Сената велено старые разрядные и прочие дела описывать не на чем».

Герольдмейстер Плещеев ломал голову над решением организационных вопросов, а в это время Франциск Санти, несмотря на неблагоприятные бытовые условия, продолжал работу по рисованию гербов. Санти было поручено сделать генеральный герб, используя для него «гербы всех царств, королевств, княжеств и провинций Российского империя», которые должны были составить большой картуш (здесь: украшение, обрамление) государственного герба. В бумагах Санти осталось описание двадцати четырех гербов. Двадцать один из них был, видимо, составлен по изображениям эмблем Титулярника. Эмблем Эстляндии, Ливонии и Карелии в Титулярнике не было, и Санти обратился с просьбой к губернаторам о присылке ему рисунков гербов «с принадлежащими их цветами или с линиями, объявляющими разумеие цветов». Он получил ответ только из Ревельской губернии. Был прислан рисунок «герба эстлянского», который якобы еще в XIII в. был здесь изобретен. Этот же герб приписывался и городу Ревелю (Таллину).

Создавая гербы областей, Санти творчески перераба-

тывал взятые за основу рисунки. Например, при подготовке белозерского герба он отмечал, что не знает, к сожалению, какие именно рыбы изображены на белозерской эмблеме Титулярника, посему вынужден рисовать произвольно. Работая над гербами Смоленска и Киева, Санти отмечал их иное изображение в польских гербовниках. Герб Лапландии, по мнению Санти, должен быть нарисован «на следующий манер: в красном поле дикий человек телесного (естественного.— *И. С.*) цвета несет дубинку на правом плече, на голове венок». Кстати, по поводу этого герба Санти советовался с графом Брюсом, и они, по-видимому, сообща избрали эмблему для герба названной территории. Санти предстояло также составить гербы прикаспийских областей, Полоцка, Витебска, Мстиславля, «других доменов». Он отмечал с сожалением, что «они ему неизвестны».

Вся эта работа носит предварительный характер по сравнению с тем, что Санти и его группа предстояло сделать в два-три последующих года. «Настоящее дело» началось с сенатского указа, который поступил в Герольдмейстерскую контору в августе 1724 г. На нее возлагалась работа по созданию городских гербов Российского государства. В указе говорилось: «Для запечатования судебных дел ... во всех судебных местах сделать печати, а именно: в губерниях и провинциях и городах, которые имеют гербы, на тех вырезать тех городов гербы, а которым нет, то нарисовать приличные вновь в Герольдмейстерской конторе и с оных отослать те рисунки для рассылки во все судебные места в Юстиц-коллегию».

Городской герб должен был помещаться не только на печатях судебных органов, но и на знаменах полков, расквартированных в городах. И раньше городские эмблемы помещались на знаменах петровской армии, а теперь это правило было узаконено вместе с признанием за эмблемами права называться городскими гербами.

Итак, создание городских гербов (в отличие от дворянских) становится делом государственной важности. Сообщения о начале работы над городскими символами рассылаются Сенатом в различные ведомства, которым предписывалось оказывать помощь Герольдмейстерской конторе. По указу Сената из архива Коллегии иностранных дел в Герольдмейстерскую контору передана «для списывания» книга, «в которой показаны Российского империя и чужестранных государств гербам рисунки». Однако этот гербовник, по-видимому упоминавшийся уже

Титулярник, не удовлетворил Санти: «Во оном суть только гербы главных государств и некоторых провинций российских, однакож к сочинению гербов всем городам тот гербовник недоволен, но для оного надлежит иметь некоторые, елико возмогут обрестися ведения о всякой губернии, провинции и городе порознь...».

Санти считал, что городской герб должен в своем рисунке отразить хозяйственную деятельность города, его место в политической жизни государства, территориальные и природные особенности, исторические события, наложившие отпечаток на его развитие. Поэтому он разработал список сведений, необходимых, с его точки зрения, для составления гербов. Вот какую информацию ждал Санти из разных городов:

1) «сколь давно и от какого случая или причины и от кого те города построены, каменные или деревянные или земляные, и от каких причин, какими именами названы, которых языков и в тех языках те речения не знаменуют ли какого собства»;

2) «и каждого из тех мест каких родов скоты, звери и птицы всем имена, а особливо где есть род какой партикулярной»;

3) «и самые те места гористыя или равныя, болотныя ли или сухыя, степныя ли или лесныя и плодовитым древам партикулярным наипаче какой род»;

4) «какова хлеба в котором месте болши родитца»;

5) «и те города на морях или на каких озерах или реках и как их именования и в них каких родов партикулярных наипаче рыб обилие бывает»;

6) «и огородных и полевых и лесных овощей и всяких трав и цветов чего где болши родитца»;

7) «и в которых местах какие народы живут русския ли или татарския или иной какой нации и какова звания»;

8) «и которой город взят осадю или войною (здачею или добровольным подданством, сочинением или установлением мира) или иными какими случаями, какия возможно сыскати...».

В конце необходимо было указать, имел ли ранее город герб, и если имел, то прислать его рисунок или описание.

Как видим, анкета, по которой «город описать быть имеет», разработана Санти очень тщательно. Он чрезвычайно ответственно отнесся к предстоящей работе: как-

дый из российских городских гербов, по его мнению, должен отражать специфику города. В нескольких городах Санти побывал и соответственно «оригиналам» гербов «отправил». Герольдмейстеру же объяснил, что «которых городов не знает и в них не бывал и о них никакой информации не имеет, по регламентам геральдики оных гербов сочинить и отправить не может». Вот почему такие большие надежды возлагались на получение сведений с мест.

Однако интересующие Герольдмейстерскую контору сведения о городах поступали неодновременно и неравномерно. В октябре 1724 г. герольдмейстер Плещеев и товарищи герольдмейстера Санти обратились в Сенат с просьбой помочь им в скорейшем получении необходимых сведений. Они надеялись, что авторитет Сената сдвинет дело с мертвой точки.

...Не дождались Плещеев и Санти ответа из Сената. Запросы во все губернии и провинции были посланы ими «через почту» до 1 декабря 1724 г. Поступавшие ответы Ардабьев переводил, а затем с ними знакомился Санти.

Среди документов Герольдмейстерской конторы сохранились как сами доношения, так и реестры доношений, присланных с мест и переданных Санти. Сопоставив даты имеющихся доношений и реестров, можно сделать вывод, что к Санти попали сведения из следующих канцелярий: губернских — Казанской, Ревельской, Смоленской; провинциальных — Арзамасской, Пензенской, Вятской, Орловской, Устюжской, Ярославской, Костромской, Великолукской, Свияжской, Уфимской, Владимирской, Вологодской, Юрьев-Польской, Суздальской, Шацкой, Выборгской, Ингерманландской; из Киева, из Бахмутской крепости, из некоторых городов Московской губернии — Серпухова, Тулы, Калуги, Алексина, Белева.

В общем, доношений к Санти пришло не так мало. Правда, многие из присланных о городах «ведений» были весьма кратки, схематичны, в них нет ответа на все вопросы предложенной Санти анкеты. Причем на последний вопрос анкеты ответы приходили до удивления одинаковые: ни о каких прежних городских гербах большинство провинциальных канцелярий не знает. Даже Владимирская и Вятская канцелярии ответили отрицательно на вопрос, хотя эмблемы этих городов есть в Типулярике, изображены на полковых знаменах. В доношении из Сибирской губернии сообщалось: в ближайшее время требуемых сведений прислать невозможно, «понеже в Сибирской губернии город от города в дальном рас-

стоянии и посланцы возвращаются через годичное время.

Смоленск прислал рисунок «городовой» печати: «Пушка с птицей гаманом, вокруг надпись „Печать царского величества княжества Смоленского“». В других же городах Смоленской губернии, как сообщалось в доношении, «никаких печатей и гербов не обретается».

Какие же города прислали сведения о гербах? Прежде всего прибалтийские, такие, как Ревель (Таллин), Нарва, Выборг. Описания гербов, данных городам еще при шведском владычестве, сопровождались рисунками. Очень четко ответили из Ярославля: «В Ярославской канцелярии прежний герб имеется воеводского правления и оной герб и в городе» (вспомним царский указ 1692 г.). Утвердительно о гербе города сообщили из Уфы и Казани, причем в обоих случаях прислали описания печатей. Вот, например, что написали из Уфы: «В городе Уфе герб имеетца, нарисована на серебре куница весом (имеется в виду печать.— Н. С.) полчетверта золотника позлащена, которая прислана в Уфу при грамоте из Казанского дворца».

Знали о своих гербах Киев, Чернигов и другие украинские города. Знали, но не употребляли; ссылались на то, что в Москве их «гербы имеются».

Увы! На этом сведения о гербах городов России и заканчиваются. Заметим, что спустя 50—60 лет почти ни одно описание русского города не обходится без сведений о его гербе. Но об этом ниже.

В какой мере использовал Санти присланные «ведения» о городах для составления их гербов? Какие городские гербы нарисованы под его руководством?

Если бы рисунки сохранились... Однако ведь они были!

В делах Герольдмейстерской конторы встречаются сведения, позволяющие восстановить работу Санти по созданию гербов, в том числе и городских. К ним принадлежат прежде всего опись рисунков и бумаг, составленная на квартире у графа Санти после его ареста секретарем Герольдмейстерской конторы С. Исаковым; показания живописцев И. Чернавского и П. Гусятникова, сохранивших художественное наследство своего наставника и рисовавших по проектам Санти гербы уже после его ареста.

Художественное наследство Санти было немалым. Опись включает прежде всего сборник гербов из 97 рисунков — «Книга гербов российских и провинциальных, по губерниям вновь компанованных»; несколько десятков

рисунков гербов оказались сшитыми в отдельную тетрадь — «Тетрадь гербов провинциальных же 35»; часть рисунков существовала на отдельных листах, в разрозненном виде — «Компанованных гербов провинциям и монастырям белых (не цветных.— *И. С.*) — 31». Среди бумаг Санти имелись рисунки гербов для полковых знамен, зарисовки государственного герба, около двух десятков черно-белых дворянских гербов (сам Санти «скомпановал» гербы барону Строганову и Демидову) и т. д. Здесь же пахотилась печатная книга в 540 страниц, по одним сведениям — на немецком, по другим — на французском языке. И. Чернавский «объявил, что та книга регулов герольдических, а оная де книга собственная графа Санти».

Реестры гербов, сочиненных Санти, в разных вариантах в разные годы «объявлялись» то П. Гусятниковым по запросу Сената, то Герольдмейстерской конторой по просьбе заинтересованных ведомств.

Все-таки сколько же было среди них гербов территориальных — земель, княжеств, наконец, городов? Кто-то в Герольдмейстерской конторе подсчитал, что Санти сочинил «провинциальных и городовых 137 гербов» «да к сочинению провинциям и городам гербов назначено 220 мест, а гербов не нарисовано». Данные сведения не совсем точны: из тщательного сопоставления различных реестров выплывает цифра 97, включающая пазвания городов и областей, чьи гербы сочинил, исправил, нарисовал по правилам геральдики граф Франциск Санти в бытность свою товарищем российского герольдмейстера. Мы не ставим своей задачей перегрузить память читателей, но тем не менее нам хочется перечислить эти гербы: герб российский; гербы областей и городов, упоминаемые в Титулярнике, — московский, киевский, владимирский, повгородский, рязанский, тверской, ростовский, ярославский, смоленский, вятский, казанский, астраханский, сибирский, псковский, пермский, нижегородский, черниговский, белозерский, югорский, удорский, обдорский, болгарский, кондипский, кабардинский, карталипский, иверский, грузинский, черкасский; гербы прибалтийские и других присоединенных земель — лифляндский, ингермаплаудский, эстляндский, корельский, филяндский, ямбургский, дерптский, рижский, вендепский, выборгский, регельский, перповский, эзельский; гербы русских и украинских городов — Коломны, Костромы, Юрьева Польского, Алексна, Серпухова, Суздаля, Тулы, Санкт-Петербурга,

Кроиштадта, Великих Лук, Старой Русы, Старицы, Пошехонья, Орла, Повосия, Белева, Воронежа, Олонца, Уржума, Саранска, Царицына, Шлиссельбурга, Торопца, Ладуги, Торжка, Зубцова, Углича, Романова, Мценска, Черни, Болхова, Бахмута, Архангельска, Вологды, Пензы, Уфы, Арзамаса, Саратова, Полтавы; гербы сибирских городов — Тары, Пелыма, Сургута, Кузнецка, Кеца, Красного Яра, Илима, Нерчинска, Тобольска, Верхотурья, Березова, Нарыма, Томска, Енисейска, Маггаззи, Якутска.

Если сопоставить этот список и «ведения» из городов, присланные до июня 1727 г., когда Санти был арестован, то можно сделать вывод: в его руки могли попасть данные практически по всем названным городам и областям. Исключение составляют несколько прибалтийских городов, города Новгородской губернии, а также Углич, Полтава, Царицын. Сведения о них Герольдмейстерская контора получила уже после ареста и отстранения Санти от дел. Как же он мог их сочинить или подправить? Пожалуй, возможны два объяснения: либо их включили в реестры «Сантцевых гербов» потом, спустя несколько лет, и в действительности он не имеет к этим гербам никакого отношения, либо Санти составил данные гербы без «ведений» с мест. В списке пет гербов городов Свияжска, Севска, Мурома, Рыльска, а сведения о них Герольдмейстерская контора получила задолго до ареста Санти. Не исключено, что сведениями воспользовались через несколько лет последователи первого составителя гербов.

Санти, конечно же, черпал сведения при составлении городских гербов не только из присланных городских описаний. Еще в первый год своей работы, как мы уже говорили, он познакомился с Титулярником. Отсюда им позаимствованы гербы Новгорода, Астрахани, Рязани, хотя сведений о названных городах он так и не дождался. А города Сибири, каким образом они получили свои гербы от Санти? По-видимому, здесь сыграли свою роль существовавшие печати, изображения на которых устанавливались законодательством еще в XVII в. Наконец, при составлении гербов Санти, бесспорно, знакомился со сборником эмблем различных городов, помещенных на военных петровских знаменах еще в 1712 г. Он мог эти эмблемы сделать гербами, придав им геральдическую форму; например, такие гербы, как ростовский, каргонольский, смоленский. В сохранившихся перечнях гербов отмечается, что Санти «приложил к ним руку». Однако

те же эмблемы имеются и в петровском знаменном сборнике. Значит, Санти просто исправил их со знанием дела, т. е. привел в геральдическое соответствие цвета и металлы.

Эмблемы трех городов из знаменного сборника Санти вообще измешил. На знаменах Санкт-Петербургских полков красовалась эмблема — золотое пылающее сердце под золотой короной и серебряной княжеской мантией. Санти посчитал, что для столицы Русского государства, морского и речного порта, более приличным будет другой герб: «Скипетр золотой, над ним герб государственный, около него два якоря серебряные, поле красное. Сверху корона императорская...». Архангельская эмблема изображалась на знаменах 1712 г. в виде всадника на крылатом коне, поражающего копьем змея. Очень уж она напоминала в таком виде московскую эмблему, да из Титулярника была известна Санти почти такая же — грузинских и карталинских царей. Он заменил ее архангелом в синем одеянии с огненным мечом и щитом, который поражает черного дьявола, поле желтое. Эмблема сразу «заговорила»: архангел — Архангельск. Еще один «говорящий» герб — Шлиссельбурга (ключ-город). На петровских знаменах эмблемой города была колонна с якорями. У Санти же: «Ключ золотой под короною императорскою золотою... внизу крепость белая, поле синее».

Как работал Санти с присланными «веденьями» о городе? Сопоставим гербы городов, приписываемые творчеству графа Санти, с присланными известиями об этих городах. Например, герб Белева: в голубом поле стоящий ячменный сноп, из которого выходит пламя. Эмблема достоверно отражает сведения, присланные из Белевской провинциальной канцелярии. В доношении говорится о большом пожаре, случившемся незадолго до пересылки сведений о городе. Пожар уничтожил «посадских людей многие дворы», а также «замок рубленой весь сгорел». В гербе Серпухова Санти поместил павлина, распутившего оперение. Почему? Можно по этому поводу строить всевозможные догадки, что, кстати, и делалось неоднократно: здесь и пышный павлиний хвост, олицетворяющий многоцветье красок на тканях, выпускаемых серпуховскими мануфактурами, и зоркий взгляд павлина, чуткой птицы, символ города — форпоста у южных границ Московской губернии, и славное напоминание о победе над гордым врагом. В действительности все обстояло проще. Герольдмейстерская контора получила из Серпухова

ответ на запрос об особенностях данного города. Серпухов отличался от других «близколежащих мест» тем, что «в монастыре одном рождаются павлины». На полях этого сообщения имеется пометка: «Переведепо». Фраза о павлинах подчеркнута. Вероятнее всего, Ардабьев перевел текст для Сапги и тот, исходя из реальных сообщений, поместил в гербе Серпухова павлина.

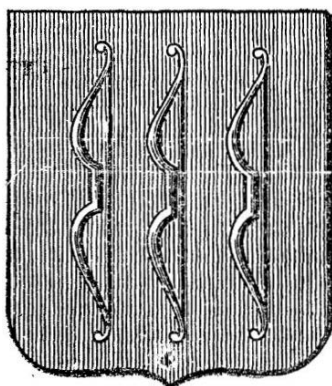
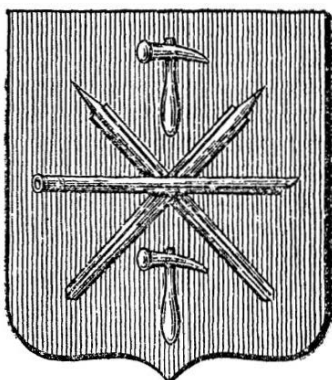
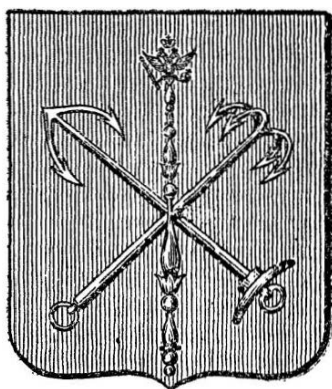
В гербе города Старицы видим идущую с костылем женщину. Название города происходит либо от имени реки, на которой построен город, либо от местоположения города (из доношения: «город Старица построен изстари между реки Волги да речки Верхней Старицы...»). Однако в доношении не случайно фигурирует слово «изстари». Фигуру женщины с костылем можно трактовать как картинное выражение понятия старости, символизирующее многолетнюю историю города, что вполне соответствует его «состоянию».

В гербе города Торонца центральная фигура — деревянная башня, на которой лежит золотой лук. Во время создания герба город принадлежал к Великолукцкой провинции — по-видимому, отсюда и появился лук. А из описания города явствует, что достопримечательностью его была построенная «в прошлых годах стена деревянная з башнями...».

В присланном из Тулы описании сообщается, что на берегу реки Уны построен завод, где изготавливаются «фузейные и пистолетные стволы и штыковые трубки». Эти сведения отражены в рисунке тульского герба: «В червленом поле горизонтально положенный на двух серебряных илжакных клинках, лежащих наподобие андреевского креста, концами вниз, серебряный ружейный ствол, вверху же и внизу по одному молоту золотому. Все сие показывает примечания достойный и полезный оружейный завод, находящийся в сем городе».

О городе Черни, как и о других городах Орловской провинции, сообщалось, что назван он по имени реки, на которой стоит. В гербе города Сапги изобразил черно-синюю полосу. Это река Черная, «сей цвет доказывает ея глубину».

Порой ведомости из городов отличались особой скудостью, из них трудно было выбрать данные, подчеркивающие специфику города, и воплотить их в герб. В таких случаях Сапги пользовался широко распространенным приемом: в гербе отражалось название города. Так появились в России «говорящие» гербы. По этому прин-

Гербы городов (Архангельск, Санкт-Петербург (верхний ряд), Серпухов, Тула (средний ряд), Великие Луки (внизу)), составленные Ф. Санти

ципу создан герб Великих Лук (в красном поле три больших золотых лука), Зубцова (в красном поле золотая стена с зубцами). В распоряжении Санти была «книга регулов геральдических», которым он следовал при создании гербов. Видимо, именно из этой книги пришли геральдические фигуры в гербы городов Алексина («в червленом поле две золотые палицы Геркулесовы, накрест положенные толстыми концами вверх»), Арзамаса («в золотом поле два строила, одно из которых красное, а другое зеленое»), Торжка («в голубом поле три серебряные и три золотые голубя, имеющие красные ошейники»), Юрьевда («в лазуревом щите с золотою оконечностью (геральдическая фигура.— Н. С.) серебряная башня с отверстыми воротами»).

Итак, иноземец Франциск Санти творчески подошел к составлению русских городских гербов. Он создавал их рисунки или на основе имеющихся в России и известных ему эмблем, или точно следуя описанию города, его достопримечательностям, о которых сообщалось в ответах на запросы Герольдмейстерской конторы. В результате городская эмблема являлась знаком определенного реального города, несла в себе конкретную информацию о городе.

Деятельность Герольдмейстерской конторы, как бы мы теперь ее определили, протекала в рамках программы по сбору сведений о русских городах. Еще одно учреждение — Главный магистрат (высший орган городского управления в России), созданный по распоряжению Петра Великого, — занималось сбором данных о каждом городе.

Для своей анкеты Санти заимствовал даже некоторые пункты формуляра, «по которому город с надлежащими обстоятельствами описан быть имеет», входящего в «Регламент Главного магистрата».

Эти действия, внешним выражением которых была и герботворческая работа Санти, явились отражением политики русского правительства в отношении городов, своеобразной констатацией факта, что город является самостоятельной экономической, административной и культурной единицей. А включение в анкету вопроса о гербе города, вероятно, должно было отражать и восприятие его как определенной самоуправляющейся единицы.

Преемники Петра I аннулировали даже то номинальное самоуправление, которое было предоставлено русским городам. В 1727 г. городские магистраты вновь оказались

в подчинении царских губернаторов и воевод. Через год ликвидируется Главный магистрат.

Составление городских гербов откладывается на неопределенное время, тем более что и деятельность Ф. Санти заканчивается весьма печально. Превратности его судьбы, хоть и не имеют отношения к герботворчеству, заслуживают, на наш взгляд, внимания.

После того как в 1725 г. скончался император Петр I, Екатерина пожаловала Санти звание обер-церемониймейстера, но вскоре Санти был неожиданно заподозрен в причастности к антиправительственному заговору. 27 мая 1727 г. был объявлен «манифестъ о винахъ Литома Девьера съ товарищами». Им предъявили обвинение в намерении лишить престола Петра II и передать власть герцогине голштинской Анне Петровне. Среди участников заговора был и граф П. А. Толстой, с которым сблизился Санти. Этого обстоятельства, по-видимому, было достаточно врагу графа Толстого, всецельному А. Д. Меньшикову, чтобы без суда и следствия сослать Санти в Сибирь. 3 августа 1727 г. Меньшиков написал сибирскому губернатору князю М. В. Долгорукому письмо, в котором было сказано: «Понеже де обер-церемониймейстер граф Санти явился в важном деле весьма подозрителен, того ради его имп. величество указал его отправить из Москвы в Тобольск, а из Тобольска в дальнюю сибирскую крепость и содержать его там под крепким караулом, дабы не ушел». Графа Санти переправили в Якутск, откуда в 1731 г. он был отослан в Верхотенский округ. Там Санти провел три года, а в 1734 г. «был взят в Иркутск», по-видимому, самовольно иркутским вице-губернатором. Однако об этом стало известно в столице, после чего в Иркутск пришел высочайший указ перевести государственного преступника Ф. Санти в Средний Вилюйский острог, где его содержать под «крепким караулом», причем приказано было не давать ему ни чернил, ни бумаги и «никого к нему не пускать». Впрочем, в указанный острог Санти не попал, а был отправлен в 1738 г. в Усть-Вилюйское зимовье. Условия жизни там были ужасные. Они достоверно описаны в донесении караульного солдата, приставленного к Санти. Донесение подано в Сибирский приказ, а оттуда впоследствии поступило в Сенат: «Тот Сантий и караульные, подпрапорщик и солдаты, обретаются при том зимовье и от тамошняго лустыцнаго места и от недовольнаго к житию строения, живут с ним, Сантием, во всеконечной нужде, поспеже в

том зимовье, кроме одной юрты, никакого строения нет, да и та де ветхая и без печи; и в зимнее время жить с великою нуждою и хлебов печь негде, отчего де оный подпрапорщик и солдаты и с ним, Сантием, без печного хлеба претерпевают великий голод и принуждены иметь себе пропитание весьма нужное, разводя муку на воде, отчего де солдаты всегда больны и караул содержат с нуждою... а в прочия де места перевезть его, Сантия, невозможно, понеже места безмерно отдаленныя и ко оным де пути, через многие пустыни и горы, и болота, многотрудныя...». Так как содержание графа Санти в столь отдаленной местности оказалось затруднительным, то было принято решение перевести его в Енисейск. Там Санти провел еще несколько лет, и лишь указом от 28 августа 1742 г. ему был возвращен прежний придворный чин обер-церемониймейстера, позднее пожалован титул действительного тайного советника. Опала и ссылка кончились.

Так сложилась судьба пьемонтского дворянина, графа Франциска Сапти, с личностью которого связаны первые шаги «геральдического художества» в России.